

А

К. С. Баранцевич

Котел

Спутники Чехова. Под ред. В. Б. Катаева. М., Изд-во Моск. ун-та, 1982.

OCR Бычков М. Н.

По кочковатому полю, поросшему мелкой, негодной травой, медленно шел мужчина средних лет, в золотых очках. Солнце было на закате и отбрасывало длинные, узкие тени от чахлой ольхи, возвышавшейся кое-где по краям поля, и от высокой фигуры мужчины. Кругом не было ни души; только ястреб, широко расставив крылья, попискивал в вышине да ворона сидела на кочке и с меланхолическим удивлением смотрела на человека. Казалось, и сам Иван Александрович, врач одной из городских больниц, тоже был немало удивлен своим присутствием в глухом месте: он приостанавливался, смотрел по сторонам, как бы ища дороги, но никакой дороги не было, а было одно унылое поле, окаймленное вдали едва заметной черточкой леса. Через несколько минут Иван Александрович дошел до опушки и в изнеможении опустил на траву. Худощавое лицо его с остроконечной бородкой и морщинами у переносья было злое и расстроенное, воспаленные, сухие глаза хмуро косились из-под очков, а губы судорожно подергивались от несдерживаемого волнения.

-- Экая подлость! -- произнес он почти вслух и бывшей в руках палкой с набалдашником из слоновой кости с размаха ударил по земле. Было тихо. Легкий ветерок чуть налетал от леса и приносил неясный, грустный шум деревьев. Далеко на горизонте, в серовой дымке обрисовывались контуры городских зданий, церквей и фабрик с их высокими, черными трубами, из некоторых узкой лентой лениво тянулся дымок.

Иван Александрович злобно смотрел туда, где был город. Что-то не давало покоя врачу, подмывало встать и идти, и он пересиливал свое желание: откидывался назад, ложился то на один локоть, то на другой, беспрестанно перекидывал ноги одну через другую. Палка мешала ему -- он отбросил ее; потом сел, облокотился на придвинутые к груди колени и обеими ладонями закрыл лицо. Так прошло несколько минут. Наконец он отнял руки, и они, как плети, бессильно упали вдоль туловища.

-- Изменяет! Женя изменяет! -- сказал он сам себе и с удивлением посмотрел вокруг, как бы ища живое лицо, которое бы разделило его недоумение.-- Милая, любящая жена... Черт знает что!

Он почувствовал, как от злости кровь бросается ему в голову, и сделал усилие сдержать себя. Но образ предполагаемого любовника не давал ему покоя... Не кто другой, как Карпышев!.. Глупый фатишка, всегда неприлично щегольски одет....

"И на такого... на такое умственное убожество променять меня! -- внутренне воскликнул Иван Александрович, чувствуя необыкновенную жалость к самому себе.-- Ну, как бы там ни было, а в.. письме ясно говорится... Досадно ужасно, что я его изорвал... Следовало бы тщательно рассмотреть... Может быть..."

Мысль о том, что полученная им утром анонимная записка могла быть написана из злобы каким-нибудь отвергнутым воздыхателем и оказаться клеветой, вздором и столь любимый им покой семейного счастья мог бы вернуться снова,-- на минуту приятно оживила Ивана Александровича. Он приосанился, поправил очки и уже намеревался идти обратно в город, но внезапно новый прилив злобы овладел им.

"Утешился! Словно малый ребенок? -- подумал он.-- Эдак все можно оправдать! Как же! И как будто в письме дело! Э, дело-то уж давно... давно... только я не замечал, или... черт... у нас не принято замечать!.."

Иван Александрович вспомнил, что мысль об измене жены давно приходила ему в голову, но он не давал разрастаться подозрениям, боясь выдать себя и прослыть ревнивцем,-- ревнивцы отвратительны и смешны. А рогатые мужья? В тысячу раз смешнее! Может быть, над ним уже смеялись, а он не замечал? Припомнился ему журфикс у Гомзиных, где что-то было в этом роде. Читали что-то подходящее, потом начались споры, и кто-то насмешливо посмотрел на него. Кто, бишь, это был? А, да чуть ли не Карпышев? Мерзавец!

Иван Александрович сцепил пальцы обеих рук так что суставы хрустнули.

Солнце становилось все ниже и ниже. Безоблачное небо подернулось дымкой, тонкой, как кисея, и в этой дымке солнце казалось медным шаром. Густые тени ложились по скатам холмов, на которых раскинулся город, тонувший в сероватом налете; только в одном месте, далеко на взгорье, крошечное

А